

объихъ этихъ эпохъ русской литературы, — и поэтому если «Душеньку» теперь нѣтъ никакой возможности прочесть отъ начала до конца по доброй волѣ, а не по нуждѣ, которая можетъ заставить прочесть и «Телемахиду», то «Руслана и Людмилу» можно только перелистывать отъ нечего дѣлать, но уже нельзя читать, какъ что-нибудь дѣльное. Ея литературно-историческое значеніе гораздо важнѣе значенія художественнаго. По своему содержанию и отдѣлкѣ она принадлежитъ къ числу переходныхъ пьесъ Пушкина, которыхъ характеръ составляетъ подновленный классицизмъ: въ нихъ Пушкинъ является улучшеннымъ, усовершенствованнымъ Батюшковымъ. Въ «Русланѣ и Людмилѣ», какъ мы уже сказали выше, нѣтъ ни признака романтизма; даже опутителенъ недостатокъ поэзіи, несмотря на все изящество выраженія и всю прелесть стиха, неслыханныя до того времени. Скажемъ больше: даже со стороны формы — какъ немного она выше обветшалыхъ формъ прежней поэзіи, — есть звенья, соединяющія «Руслана и Людмилу» съ прежней школой поэзіи; мы разумѣемъ здѣсь употребленіе словъ «брада», «глава» и произвольное употребленіе усеченныхъ прилагательныхъ, которыхъ въ поэмѣ Пушкина найдется больше десятка. Словомъ, если бъ не недостатокъ самобытности и не избытокъ привычки, такъ-называемые классики того времени должны были бы торжествовать, какъ свою побѣду надъ такъ-называвшимися тогда романтиками, появленіе «Руслана и Людмилы», — на Пушкинѣ сосредоточить всѣ надежды своей партіи, а истиннаго представителя романтизма, слѣдовательно, самаго опаснаго ихъ врага, видѣть въ Жуковскомъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ нихъ были какъ будто близки къ этому взгляду. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1824 года одинъ классикъ разсердился за то, что Верстовскій, положившій на музыку «Черную Шаль» Пушкина назвалъ ее кантатой.

„Почему (говоритъ бутырскій классикъ) Верстовскій возвелъ простую пѣсню на степень кантаты? Такого ли содержанія бываютъ кантаты собственно такъ называемыя? Такими ли видимъ ихъ у Драйдена, у Жанъ-Баптиста Руссо и у другихъ поэтовъ знаменитыхъ? (*Хороши знаменитости — Драйденъ и Жанъ-Баптистъ Руссо!*). Истощивъ средства свои на страсти, бунтующія въ душѣ безвѣснаго человѣка, что употребить онъ, когда нужно будетъ силою музыки возвысить значительность словъ въ тѣхъ кантатахъ, гдѣ историческія или мифологическія во многихъ отношеніяхъ намъ извѣстныя и для всѣхъ просвѣщенныхъ людей занимательныя лица страдаютъ или торжествуютъ? — Въ пѣснѣ Пушкина представляется намъ какой-то молдаванецъ, убившій какую-то любимую имъ красавицу, которую соблазнилъ какой-то армянинъ. Достоинъ ли это того, чтобъ искусный композиторъ изыскивалъ средства потрясать сердца слушателей, чтобъ для пѣсни тралить сокровища музыки? Не

значить ли это воздвигнуть огромный пьедесталъ для маленькой красивой куклы, хотя бы она была сдѣлана на Севрской фабрикѣ? Угадываю причины, побудившія Верстовскаго къ сему подвигу, и знаю напередъ одинъ изъ отвѣтовъ: „А. Пушкинъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ поэтовъ нашихъ.“ Что касается до стиховорства, я самъ отдаю ему совершенную справедливость; стихи его отменно гладки, плавны, чисты; не знаю, кого изъ нашихъ сравнивать съ нимъ въ искусствѣ стопосложенія; скажу болѣе: *Пушкинъ не охотникъ щеголять эпитетами, не бросается ни въ сентиментальность, ни въ таинственность, ни въ надутость, ни въ пустословіе; онъ живъ и стремителенъ въ разсказѣ; употребляетъ слова въ надлежащемъ ихъ смыслѣ; наблюдаетъ умную соразмѣрность въ раздѣленіи мыслей: все это составляетъ внѣшнюю (?) красоту его стихотвореній. Гдѣ жъ однако тѣ качества, которыя, по словамъ Горациа, составляютъ поэта? гдѣ mens diviniор? гдѣ os magna sonaturum?*“ (№ 1, стр. 70 и 71).

Замѣчаете ли, что нашъ бутырскій критикъ видѣлъ кое-что въ Пушкинѣ, и если не увидѣлъ всего, — ему помѣшала привычка. Пушкинъ не любилъ щеголять эпитетами, не бросался ни въ сентиментальность, ни въ таинственность, ни въ надутость, ни въ пустословіе; онъ живъ и стремителенъ въ разсказѣ, употребляетъ слова въ надлежащемъ ихъ смыслѣ, наблюдаетъ умную соразмѣрность въ раздѣленіи мыслей: все это дѣйствительно составляло неотъемлемыя качества Пушкинской поэзіи, и качества великія; но — видите ли — по мнѣнію бутырскаго классика, это не больше, какъ внѣшняя (?) красота стихотворенія Пушкина, потому что гдѣ же въ нихъ mens diviniор (божественное безуміе, изступленіе, восторгъ), гдѣ os magna sonaturum? А что такое разумѣли подъ этимъ наши псевдо-классические критики? Вотъ что:

...Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ!

Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта
И то, и то!...

Прочтите всю превосходную сатиру Дмитріева «Чужой Толкъ» — и вы еще лучше поймете, что наши классики разумѣли подъ mens diviniор. Хотя многіе изъ первыхъ произведеній Пушкина (какъ, напримѣръ, «Черная Шаль», «Наполеонъ», «Андрей Шенье») не чужды декламации и риторической напряженности, но для нашихъ классиковъ этого было мало; они не могли увидѣть въ Пушкинѣ mens diviniор, — такъ привыкли они къ напыщенной шумихѣ одопѣи своего времени! Посмотрите, изъ чего хлопотали бѣдняжки: изъ названій, изъ словъ — «ода, кантата, пѣсня» и т. п. Мы сами слышали однажды, какъ глава классическихъ критиковъ, почтенный, умный и даровитый Мерзляковъ, сказалъ съ каеэдрами: «Пушкинъ пишетъ хорошо, но, Бога ради, не забывайте его сочиненій поэмами!» Подъ словомъ «поэма» классики привыкли видѣть что-то чрезвычайно важное. Съ